

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4641

УДК 930.25+94(47).073+821.161.1

Е. Д. Маскевич*Российский государственный исторический архив (РГИА)
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

spb-collects@yandex.ru

Б. Н. Тихомиров*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Петрашевцы после Семеновского плаца, комендант Набоков и император Николай I (Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских)*

Аннотация. Публикация основана на документах, обнаруженных авторами в Российском государственном историческом архиве, которые содержатся в фонде Управления коменданта Санкт-Петербургской крепости, в Деле «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году». Большая часть документов приурочена к периоду между 22 декабря 1849 г. (инсценировка обряда смертной казни над петрашевцами на Семеновском плацу) и 9 января 1850 г. (прибытие Достоевского, Дурова и Ястржембского в Тобольск). Самый поздний документ датирован 4 февраля 1850 г. Статья состоит из трех частей, каждая из которых вносит новые подробности в биографию братьев Федора и Михаила Достоевских в означенный период. В первом разделе публикуются документы, раскрывающие обстоятельства, предшествовавшие свиданию братьев Достоевских 24 декабря 1849 г., перед отправкой Федора в Сибирь, в котором первоначально им было отказано. Это ходатайство коменданта Петропавловской крепости Набокова, направленное на имя Военного министра, с просьбой разрешить родственникам петрашевцев свидания с ними перед отправкой в места отбывания наказаний, а также последовавшее после всеподданнейшего доклада министра Всемиловитейшее разрешение на сей счет Николая I. Во втором разделе в научный оборот вводятся документы, знакомящие с инициативой императора о выплатах денежных вспоможений семьям осужденных петрашевцев, а также семейным и многодетным петрашевцам, привлеченным к дознанию и временно заключенным в крепости. В контексте этих документов снимаются подозрения о «нескромном поведении» на следствии М. М. Достоевского, высказанные ранее некоторыми исследователями (А. С. Долинин, Л. П. Гроссман). В третьем разделе публикуется квитанция, выданная «преступнику Достоевскому», согласно которой у него при этапировании отобраны 100 рублей собственных денег, а также документ, подтверждающий получение этой суммы в Тобольском приказе о ссыльных. Рассматривается вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе этих денег.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, петрашевцы, Российский государственный исторический архив, канцелярия коменданта Петропавловской крепости, этапирование в Сибирь, Тобольский приказ о ссыльных, денежные вспоможения петрашевцам

Об авторах: *Маскевич Екатерина Дмитриевна* — ведущий научный сотрудник, Российский государственный исторический архив (РГИА) (Заневский пр., 36, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195112); *Тихомиров Борис Николаевич* — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 02.02.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Петрашевцы после Семеновского плаца, комендант Набоков и император Николай I (Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 38–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4641

1

22 декабря 1849 г. после возвращения с Семеновского плаца, где ему и еще двадцати петрашевцам был прочитан смертный приговор, оказавшийся через несколько минут трагическим фарсом, разыгранным по сценарию императора Николая I, Достоевский, описав в письме к брату Михаилу весьма сжато (увы!) произошедшее событие, далее сообщает:

«Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видетсья с тобой. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв»¹.

Под «походом» писатель подразумевает здесь отправку в Сибирь, на каторгу. Известно, что это произошло не в день экзекуции и не на следующий день², а спустя двое суток, поздним вечером 24 декабря 1849 г.³ Известно также, что, вопреки приведенному утверждению в письме к брату о запрете свиданий, встреча и прощание их перед разлукой — буквально в последний час перед тем, как Достоевского заковали в кандалы и в санях с жандармом и фельдъегерем отправили из крепости, — всё же произошли. Об этом довольно подробно рассказал в своих воспоминаниях А. П. Милюков, присутствовавший при свидании братьев.

В биографической литературе распространено мнение, что Михаил Достоевский все-таки проявил инициативу и *по его ходатайству* «комендант разрешил им последнюю встречу» [Гроссман: 158]. Однако существует и другое объяснение. В. А. Энгельсон в записке, составленной им по просьбе А. И. Герцена для французского историка Ж. Мишле, излагает события так. Отправка петрашевцев к местам отбывания наказаний была назначена на следующий день после «фарса» (слово Энгельсона) на Семеновском плацу:

«Родственники думали, что им будет позволено, как это делалось со времени приговора заговорщикам 14 декабря 1825 г., проститься с осужденными, и столпились около крепости. Но комендант Набоков объявил им, что не может разрешить свиданий, **не получив предварительно разрешения от государя**. А как добиться его? Обратились к графу Орлову, человеку, которого Николай представлял неаполитанскому королю как „своего близкого друга“. Граф Орлов совершенно отказался передать государю просьбу несчастных родственников. Попробовали просить императрицу

ходатайствовать за них перед царем — она тоже побоялась. Тогда, в отчаянии, родственники бросились опять к генералу Набокову. Наконец этот ворчун 1812 года, который за свирепой солдатской и отталкивающей внешностью скрывал не вполне извращенное и полное благочестия сердце, решил осмелиться и, осенив себя крестным знамением, рискнул войти в кабинет царя. Он **получил милостивое разрешение** дать родителям проститься с детьми»⁴.

Записка Энгельсона, однако, источник весьма ненадежный. В ней много легендарного, много грубых искажений общеизвестных фактов. Вот как, в частности, изображается экзекуция на Семеновском плацу (датируемая, кстати, 23 декабря):

«В этот день, когда утренний туман еще не успел рассеяться, войска большими колоннами выстроились на Семеновском плацу. Они образовали параллелограмм вокруг **эшафота, состоявшего из подмостков, к которым приделано было семь виселиц**».

Этот ляпсус повторяется вновь с появлением петрашевцев:

«Привезя на Семеновский плац, их поставили на эшафот и прочитали смертный приговор, вынесенный судом; затем на них надели саваны с капюшонами, падавшими на лицо, и **поставили по трое к виселицам**».

«По трое» к семи «виселицам» — значит, всех петрашевцев скопом! Вне какой-либо логики изложения затем сообщается: «...из рядов каждого батальона вышли **солдаты с ружьями**, приблизились к осужденным и стали **целиться**. Воцарилось гробовое молчание... Но отчего солдаты так долго не стреляют? Может быть, для того, чтобы продлить у осужденных предсмертную тоску?» и т. д.⁵

Противоречия в изложении Энгельсона бросаются в глаза. Поэтому исследователи не торопятся выбирать из его путаных утверждений крупинцы истины. Сошлемся, в частности, на И. Л. Волгина, который, собрав в своей капитальной монографии «Пропавший заговор» в главе под названием «Прощай, брат!» обширный свод документальных, эпистолярных, мемуарных и иных свидетельств о свидании братьев Достоевских 24 декабря 1849 г. и обстоятельствах, сопутствующих этому событию, не посчитал необходимым включать в него указание Энгельсона на то, что комендант Набоков ходатайствовал перед императором Николаем I о разрешении родственникам ссылаемых петрашевцев попрощаться с ними перед отправкой из крепости (см.: [Волгин: 648–651])⁶.

Нам известен только один случай, когда современный автор, излагая данный эпизод, апеллирует к свидетельству В. А. Энгельсона. Это новейшая

биография Достоевского, написанная Л. И. Сараскиной и вышедшая несколькими изданиями в серии «Жизнь замечательных людей». Предваряя рассказ о свидании братьев, исследовательница частью пересказывает, частью цитирует записку Энгельсона (со слов: «Наконец этот ворчун 1812 года...» — и до заключения: «Он получил милостивое разрешение дать родителям проститься с детьми»). Рефлексии по поводу надежности используемого источника в изложении Л. И. Сараскиной нет (см.: [Сараскина: 242]).

Насколько оправдан такой ход в строго документальном жанре, в котором строит свое повествование исследовательница? Вопрос этот может показаться риторическим. До последнего времени не было известно источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть версию Энгельсона. Существует, впрочем, свидетельство петрашевца Н. С. Кашкина о том, что его матушка, Евгения Ивановна Кашкина, вечером 22 декабря обратилась к императору с «всеподданнейшим прошением», и «ей и ее мужу <...> было разрешено свидеться с сыном в крепости в течение утра 23 декабря»⁷ (в этот день его отправляли в Ставрополь). Но это всё же другая история, частный случай, хотя здесь тоже варьируется тема ходатайства перед Николаем I⁸.

Подвести под этот вопрос строго научное основание позволяют документы, обнаруженные нами в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в фонде Управления коменданта С.-Петербургской крепости (так официально называлась Петропавловская крепость), в Деле № 156 «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году».

Первый из них, никогда прежде не бывший в печати, — *отпуск обращения генерал-адъютанта И. А. Набокова на имя Военного министра (князя А. И. Чернышева)*. Вот его текст:

«Родители, жены, родственники осужденных преступников просят меня неотступно дозволить им проститься с ними.

Снисходя к слезам просителей, я имею честь покорнейше просить Вашу Светлость, не благоугодно ли будет исходатайствовать на сие у Государя Императора Высочайшее соизволение.

Подписал генерал-адъютант Набоков

Верно *Емельянов*

22 декабря 1849 г.

Г-ну Военному министру»⁹.

На сей документ на следующий день был получен ответ, также впервые вводимый в научный оборот:

«Министерство Военное.

Департамент Инспекторский.

Канцелярия.

Стол II

“23” декабря 1849

№ 275

весьма нужное

Господину Коменданту
С.-Петербургской крепости
Дежурного генерала Главного штаба
Его Императорского Величества
Рапорт

Государь Император, по всеподданнейшему докладу записки Вашего Высокопревосходительства, Всемилоостивейше соизволил разрешить: дозволить родителям, женам и родственникам осужденных преступников видаться с ними в крепости, но не иначе как в присутствии Вашем или плац-майора.

О Высочайшем разрешении этом, по поручению господина Военного Министра, поспеваю иметь честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства.

Генерал-адъютант *Игнатъев*».

На верхнем поле входящий номер: «Канц<елярия> ком<енданта> № 437». В правом верхнем углу помета: «Получ<ено> 23 декабр<я> 1849 г.»¹⁰.

Таким образом, свидетельство В. А. Энгельсона, вопреки ожиданиям, оказалось достоверным. Но — лишь отчасти. Реальный факт, как это часто бывает, оброс под его пером слухами. Ходатайство перед императором на самом деле имело место. Были ли попытки родственников осужденных обратиться к Николаю I через посредство шефа жандармов графа А. Ф. Орлова или императрицу Александру Федоровну, сказать затруднительно. Но «старый ворчун 1812 года», как называет Энгельсон генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова, действительно инициировал обращение к императору, однако действуя не напрямую, а — строго по субординации. Он отнюдь не «рискнул войти в кабинет царя», но направил записку Военному министру светлейшему князю А. И. Чернышеву. Тот представил ее во всеподданнейшем докладе и получил Всемилоостивейшее соизволение.

Любопытно, что несколько ранее почти буквально в тех же словах Николай I удовлетворил прошение Е. И. Кашкиной (неизвестно кем представленное), рассмотрение которого как бы уже «взрыхлило почву» для обращения Набокова и Чернышева¹¹.

Комендант Петропавловской крепости И. А. Набоков упоминает в своей записке «родителей, жен и родственников» осужденных петрашевцев, которые в течение дня 22 декабря «неотступно» просили его дозволить свидание перед разлукой. Обращался ли с такой просьбой к нему и Михаил Достоевский, сегодня уже вряд ли возможно твердо установить. Скорее всего, обращался. Во всяком случае, он *достоверно знал*, когда состоится отправка брата в Сибирь. Как можно предположить, он должен был получить об этом

известие из Петропавловской крепости, что позволяет сделать вывод о прямых контактах Михаила с канцелярией Управления коменданта. Вот как начинается в своих воспоминаниях эпизод, повествующий о прощании братьев Достоевских, А. П. Милюков:

«Осужденных отвозили из крепости в ссылку партиями по два и по три человека. Если не ошибаюсь, на третий день после экзекуции на Семеновской площади М. М. Достоевский приехал ко мне и сказал, что брата его **отправляют в тот же вечер** и он едет проститься с ним»¹².

Значит, Михаил направлялся в крепость уже к конкретно определенному времени. В изложении мемуариста, который, естественно, не мог знать всех предшествующих событий, разрешение на свидание они с Михаилом Михайловичем получают уже на месте, обратившись к плац-адъютанту Майделю¹³. Однако, судя по всему, заминка возникла в связи с тем, что официально дозволено прощаться было только родственникам. Для присутствия при свидании Милюкова потребовалось дополнительное разрешение коменданта. «Это сначала меня очень огорчило, — пишет мемуарист, — но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я решил обратиться к нему лично за позволением проститься с друзьями. И я не ошибся в своей надежде: комендант **разрешил и мне** видеться с Ф. М. Достоевским и Дуровым»¹⁴. Подчеркнем: Милюков вполне определенно пишет, что данное разрешение касалось именно его. Присутствие посторонних лиц «Всемиловнейшим соизволением» императора не предполагалось. Тут уже была проявлена добрая воля генерала Набокова, благодаря которой мемуарная литература о Достоевском пополнилась одним из самых пронзительных эпизодов, который первый биограф писателя О. Ф. Миллер назвал «драгоценным рассказом»¹⁵. Он хорошо известен, но приведем здесь для полноты картины соответствующий фрагмент:

«Смотря на прощанье братьев Достоевских, всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его.

— Перестань же, брат, — говорил он, — ты знаешь меня, не в гроб же я уйду, не в могилу провожаешь, — и в каторге не звери, а люди, может, еще и лучше меня, может, достойнее меня... Да мы еще увидимся, я надеюсь на это, — я даже не сомневаюсь, что увидимся... А вы пишете, да, когда обживусь — книгу присылайте, я напишу каких; ведь читать можно будет... А выйду из каторги — писать начну. В эти месяцы я много пережил, в себе-то самом много пережил, а там впереди-то что увижу и переживу, — будет о чем писать...

Можно было подумать, что этот человек смотрел на свою будущую карьеру, точно на какую-нибудь поездку за границу, где ему предстоит любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться с новыми, привлекательными людьми, при полной свободе и со всеми средствами и удобствами путешественника. Он как будто не думал о том, что должен провести четыре года в “Мертвом доме”, в цепях, вместе с людьми, выброшенными из общества за страшные преступления...»¹⁶.

Чтобы не снижать пафос эпизода, А. П. Милюков не касается здесь «низкой прозы». Но отметим по другим источникам, что в ходе этого свидания М. М. Достоевский получил личные вещи брата: кроме книг и бумаг — главным образом верхнюю одежду, в которой восемь месяцев назад Федор был арестован. Сохранились две описи вещей Достоевского. Первая — в том же Деле Управления коменданта Петербургской крепости:

«ОПИСЬ

Принадлежащим вещам и деньгам № 9 Достоевского¹⁷;
1849 года 22-го декабря

Звание вещам	Сколько числом
денег имеется 51 коп. серебром	
шинель на вате	1
сюртук суконный	1
брюки триковые	1
пальто	1
Жилет	1
Рубаха	1
подштанники	1
подтяжки резинковые	1
платок шейный	1
Шарф	1
платок носовой	1
Сапоги	1
чулки	1
шляпа пуховая	1
книг разных	28
тюк запечатанный с разными вещами	1» ¹⁸

Этот перечень был составлен в день экзекуции на Семеновском плацу. Достоевский, как и другие петрашевцы, был взведен на эшафот в собственной одежде — той, в которой был арестован 23 апреля. Через два дня, 24 декабря, была составлена другая опись, уже гораздо более краткая, включавшая лишь запечатанный тюк с бумагами и вещами; шинель на вате, пальто, сапоги, шляпу пуховую и 28 книг. Эта опись подшита уже

в Деле Алексеевского равелина. Она сопровождается собственноручной распиской арестанта: «Означенные по сей описи вещи и тюк с разными моими вещами получил и передал брату моему Михайле Михайловичу Достоевскому. Федор Достоевский» (цит. по: [Бельчиков: 246–247])¹⁹.

Здесь же и расписка М. М. Достоевского: «Означенные в сей описи вещи получил подпоручик Достоевский» (цит. по: [Бельчиков: 246]).

Из одежды, как можно понять, передавались только крупные вещи, верхняя одежда. В запечатанном тюке находились рукописи («бумаги») — «черновой план драмы и романа и оконченная повесть “Детская сказка”» (Д30; 28; 162). Под «Детской сказкой» подразумевается повесть, напечатанная в 1857 г. в «Отечественных записках» под названием «Маленький герой». Наброски к другим произведениям не сохранились. В письме к брату Михаилу из Омска, написанном в феврале 1854 г., сразу же по выходе из острога, Достоевский спрашивает: «Получил ли ты мою „Детскую сказку“, которую я написал в равелине?» (Д30; 28; 174). О том, что рукописи были у него «отобраны» по возвращении с Семеновского плаца, Достоевский писал брату в письме от 22 декабря 1849 г., еще не рассчитывая на личную встречу. При прощании он, судя по приведенным документам, передал тюк с бумагами Михаилу *из рук в руки*. Но готовившие отpravку писателя в Сибирь служители Алексеевского равелина, не предполагая появления родственников Достоевского, запечатали тюк заранее. Отсюда вопрос и беспокойство писателя: сохранилась ли «Детская сказка»?

2

Второй блок документов из Дела № 156 в каком-то отношении продолжает тему, начатую блоком первым, — участие императора Николая I в судьбах петрашевцев после «трагического фарса» на Семеновском плацу. Однако раньше, чем мы обратимся непосредственно к обнаруженным нами архивным свидетельствам, важно обозначить одну биографическую проблему, касающуюся прежде всего М. М. Достоевского, для рассмотрения которой данные документы задают исключительно важный контекст.

Как хорошо известно, в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. в числе тридцати четырех лиц, арестованных за участие в социалистическом кружке М. В. Петрашевского, вместо старшего брата писателя — Михаила Достоевского, посещавшего собрания петрашевцев на Покровской площади, ошибочно был арестован и помещен в каземат № 1 Зотова бастиона Петропавловской крепости младший брат — Андрей, совершенно непричастный к этому делу. Ошибка была обнаружена Секретной следственной комиссией лишь через десять дней. 3 мая 1849 г. председатель Комиссии генерал-адъютант И. А. Набоков поставил в известность о возникшей ситуации Военного министра князя А. И. Чернышева, тот доложил Его Императорскому Высочеству

наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу, который 4 мая распорядился «губернского секретаря Андрея Михайлова *Достоевского* освободить из-под ареста и, возвратив ему опечатанные у него бумаги, отправить к своему месту, а брата его Михаила *Достоевского* арестовать немедленно и передать в распоряжение Секретной следственной комиссии»²⁰. В ночь с 5 на 6 мая М. М. Достоевский был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, в каземат № 7 куртины между бастионами Трубецкого и Екатерины. В свою очередь А. М. Достоевский был выпущен на свободу.

Благодаря возникшей путанице Михаил Достоевский был арестован на двенадцать дней позже большинства других петрашевцев. Возможно, он воспользовался этим временем, чтобы уничтожить какие-то улики, которые могли сыграть в отношении его роковую роль. Во всяком случае, известно, что он сжег какую-то часть домашнего архива.

В первый же день после ареста, 6 мая, М. М. Достоевский был допрошен Следственной комиссией. В протоколе заседания № 9 записано: «Допрашивали Достоевского 2-го. Отставной прапорщик²¹. Бывал у Петрашевского и уверяет, что у него собирались только для веселья. Но потом просил разрешения припомнить и изложить их [так!] на бумаге»²². Развернутые показания М. М. Достоевского на шести страницах датированы 10 мая²³. Затем в течение двух недель он был еще вызываем в Следственную комиссию для устных расспросов. 28 мая председатель Комиссии для разбора бумаг и книг арестованных статс-секретарь А. Ф. Голицын сообщил Следственной комиссии, что «в бумагах отставного подпоручика Михаила Достоевского не оказалось ничего относящегося к известному делу, ниже заслуживающего внимания»²⁴. После этого еще почти месяц М. М. Достоевский находился в заключении. В конечном счете, по Высочайшему повелению Предписанием Военного министра № 520 от 24 июня 1849 г. Михаил Достоевский был освобожден из Петропавловской крепости. Этому решению предшествовал следующий документ:

«Секретно

Господину Военному министру
Председателя Секретной Следственной комиссии,
Высочайше учрежденной в С.-Петербургской крепости,
Генерал-адъютанта Набокова

Рапорт

Следственная комиссия, по соображении показаний, отобранных от уволенного от службы подпоручика *Достоевского 2-го* и показаний о нем других арестованных лиц, находит, что Достоевский, познакомившись с Петрашевским случайно через брата, хотя сначала посещал его иногда, но в последнее время, пред арестом, был у него только один раз и никакого участия при происходивших там разговорах никогда не принимал, равным

образом он, Достоевский, бывал у коллежского асессора Дурова на музыкально-литературных вечерах, учредившихся в марте месяце сего года, которые, когда начали было в последнее время получать направление политическое по влиянию Филиппова и Момбелли, то Достоевский тотчас же настоятельно изъявил свое мнение о прекращении этих вечеров как отклоняющихся от настоящей своей цели; кроме того, он один раз зазван был братом своим к Спешневу на обед, на котором читана была поручиком Григорьевым статья под названием "Солдатская беседа", коей он, Достоевский, не только не сочувствовал, но еще, как удостоверяет и сам Григорьев, советовал ему уничтожить это гнусное сочинение. В бумагах Достоевского ничего подозрительного не оказалось. Убеждаясь из сего, что Достоевский не только не имел никаких преступных намерений против Правительства, но даже им противодействовал, и принимая в соображение чахоточное его расположение, которое от двухмесячного ареста усиливается, равно как и тяжкое положение его семейства, которое он пропитывает своими трудами, Комиссия признает возможным ныне же освободить его из-под ареста, испросив на это Всемилоостивейшее Его Императорского Величества соизволение.

О таком определении Комиссии имею честь донести Вашему Сиятельству, покорнейше прося о последующем почтить меня предписанием.

Подписал генерал-адъютант Набоков.

№ 51-й

21 июня 1849 года»²⁵.

Документ этот, не включенный в Следственное дело М. М. Достоевского²⁶, публикуется впервые.

В 1928 г. А. С. Долинин в примечании к одному из писем Ф. М. Достоевского опубликовал обнаруженное им в делах «департамента полиции» письмо М. М. Достоевского, датированное 30 июля 1849 г. и адресованное Управляющему III Отделением генерал-лейтенанту Л. В. Дубельту, которым брат писателя, отвечая на письмо к нему начальника штаба Корпуса жандармов, почтительнейше подтверждал, что получил всемилоостивейше пожалованные ему двести рублей серебром²⁷. При первой публикации А. С. Долинин оставил это письмо без комментариев.

Однако в 1935 г. в предисловии к публикации писем Михаила Достоевского к брату А. С. Долинин, почему-то представив это же самое письмо к Дубельту как «неопубликованное», использует его для такой, мягко говоря, двусмысленной характеристики М. М. Достоевского, сообщая, что тот «был введен в общество петрашевцев, увлекался Фурье и вместе со всеми петрашевцами попал в Петропавловскую крепость. Но почему-то он, один из немногих, через два месяца был освобожден и даже получил, как невинно пострадавший, от Дубельта, шефа жандармов, пособие. Так благополучно

кончилось его увлечение утопическим социализмом, и наступило уже окончательное отрезвление» [Долинин: 506].

Позднее еще определеннее развил эту тему Л. П. Гроссман. В 1930 г. были опубликованы воспоминания А. М. Достоевского, в которых младший брат писателя, в частности, рассказал эпизод о том, как в Екатеринославе, где он служил, некий Краевский, ссылаясь на сведения, полученные им в Петербурге, распространял слухи о том, что он, Андрей Достоевский, «предатель своих братьев», что в 1849 г. «он предал своих двух братьев по делу Петрашевского и сам через это высвободился из дела целым и невредимым!»²⁸. Сей Краевский был уличен и разоблачен как грязный сплетник. Тем не менее это дало Л. П. Гроссману дополнительный аргумент для подозрений в отношении Михаила Достоевского.

Маститый исследователь, биограф Достоевского писал, развивая подозрение А. С. Долинина: «Неясна его [М. М. Достоевского] роль и в процессе петрашевцев. Он был арестован в мае 1849 г., но в июне освобожден с резолюцией департамента полиции: „Отставной подпоручик М. М. Достоевский не только не имел никаких преступлений против правительства, но даже им противодействовал“. Он был за это награжден императорской канцелярией. Сохранилось его письмо к начальнику III Отделения Дубельту:

“Ваше Превосходительство,
Милостивый государь
Леонтий Васильевич.

На милостивое письмо Вашего превосходительства от 16 сего июля честь имею отвечать, что всемилостивейше пожалованные единовременно в пособие деньги двести рублей серебром мною получены 28-го числа сего месяца.

С глубочайшим почтением честь имею пребыть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Михаил Достоевский

Июля 30-го 1849 года”.

Далее Л. П. Гроссман продолжает: «По воспоминаниям третьего брата, Андрея Михайловича Достоевского, также арестованного в апреле 1849 года и вскоре освобожденного по непричастности к делу, в обществе и даже в чиновничьих кругах распространялись слухи о том, что один из трех братьев (это, конечно, не мог быть Федор Михайлович, сосланный на каторгу) предал своих братьев по делу Петрашевского и сам через это высвободился из дела целым и невредимым. Это не мог быть и Андрей Михайлович, никакого отношения к обществу петрашевцев вообще не имевший и **никакой царской награды за ошибочный арест не получивший**. Такова несколько таинственная страница старинного политического процесса, которая еще ждет своего полного освещения и разрешения» [Гроссман: 310–311].

Ни А. С. Долинин, ни Л. П. Гроссман не договаривают самого последнего слова, но тенденция в освещении материалов выражена в изложении обоих исследователей вполне определенно. Причем в их интерпретации приведенных наблюдений очевиден искусственный «нажим».

Скажем, А. С. Долинин в публикации 1935 г., сообщая об аресте Михаила Достоевского, затем сугубо подчеркивает: «Но почему-то он, один из немногих, через два месяца был освобожден...» Это искажение реальной картины. Б. Ф. Егоров в специальном исследовании рисует иную картину: «...отпускались на волю явно второстепенные лица: в июне были выпущены П. А. Деев, К. К. Ольдекоп, А. А. Кузмин, М. М. Достоевский, П. Н. Латкин, в июле — А. Н. Барановский, П. И. Белецкий, А. И. Берестов, Е. Е. Бернардский, Г. П. Данилевский, Н. И. Кайданов, Д. А. Кропотков, П. И. Ламанский, А. М. Михайлов, А. Т. Мадерский, Н. А. Серебряков, А. И. Тимковский, М. Н. Чириков, А. Д. Щелков» [Егоров: 177]. И данный список не является окончательным. Исследователь продолжает: «Последний „выпуск“ из крепости до суда состоялся 26–27 сентября (отпущены П. А. Кузмин, Б. И. Утин, Э. Г. Ващенко, А. П. Беклемишев, Е. С. Есаков)» [Егоров: 177]. Таким образом, Михаил Достоевский в этом перечне оказывается одним из *двадцати четырех* выпущенных из крепости петрашевцев, то есть примерно *половины* от всех, кто был арестован.

Неизвестно, в документе «департамента полиции», из которого А. С. Долинин и Л. П. Гроссман извлекли лишь процитированную резолютивную часть, содержалась ли сопутствующая мотивировка, но в приведенном выше Рапорте председателя Следственной комиссии И. А. Набоков ходатайствует об освобождении М. М. Достоевского, также «принимая в соображение чахоточное его расположение, которое от двухмесячного ареста усиливается, равно как и тяжелое положение его семейства, которое он пропитывает своими трудами». Отметим, что еще в показаниях Следственной комиссии от 10 мая Михаил Михайлович специально подчеркнул: «Я оставил жену свою в страшном, отчаянном положении. Она недавно разрешилась от бремени и сама кормит²⁹. Несчастье, обрушившееся надо мною, может иметь на нее губительное влияние. Сверх того, мы люди бедные. Кроме рук моих и труда у семейства моего нет других средств к пропитанию» [Перлина: 265].

Выдача из казенных сумм Михаилу Достоевскому двухсот рублей серебром, бесспорно (и это документально будет обосновано ниже), была обусловлена не только тем, что он был, как с явной иронией пишет А. С. Долинин, «невинно пострадавший», но также и критическим материальным положением, в котором оказалась из-за ареста мужа и отца семья старшего брата писателя. Именно так трактует ситуацию Андрей Достоевский, который пишет в мемуарах: «За те шесть недель, которые он провел в каземате, лишенный способов зарабатывать себе деньги, ему выдано было вспоможение до 200 рублей серебром, что очень поддержали его»³⁰.

Тут исключительно важно подчеркнуть, что младший брат мог узнать об этом вспоможении старшему *только* от него самого. Значит, М. М. Достоевский не скрывал, что получил при выходе из крепости материальную помощь. Сыграй Михаил действительно «роль Иуды Искариотского»³¹, вряд ли он стал бы афишировать получение выплаты «из сумм III Отделения». Причем Андрей Достоевский был не единственным, кто знал о выплате брату двухсот рублей. Так, 5 августа 1851 г. знакомец Михаила Достоевского А. Чумиков сообщал об этом в Лондон А. И. Герцену, причем акцентировал мизерность выделенной суммы при бедственном положении семейства старшего брата писателя³².

После всего сказанного подошло время обратиться к документам, обнаруженным нами в Деле № 156 «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году». Они интересны тем, что, как уже сказано, задают для «дела» М. М. Достоевского более широкий контекст, лишаящий описанную ситуацию старшего брата писателя искусственно привнесенной исследователями исключительности, вписывая ее в более общую картину мероприятий властей в отношении арестованных петрашевцев.

Уже 23 декабря 1849 г., на следующий день после экзекуции на Семеновском плацу, в Управление коменданта Петропавловской крепости на бланке Инспекторского департамента Военного министерства (Канцелярия. Стол 2. № 1023) пришел Рапорт Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества, в котором указывалось:

«Государю Императору угодно, чтобы Его Величеству представлено было сведение о семействах преступников, над коими вчера исполнен известный Вашему Высокопревосходительству приговор, которые истинно нуждаются в пособии.

Прося эту справку от С.-Петербургского Военного генерал-губернатора, имею честь довести о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства, для выиграния времени»³³.

Генерал-адъютант *Игнатъев*³⁴.

Через два дня, 25 декабря, комендант Петропавловской крепости И. А. Набоков направляет отношение № 530 на имя Военного генерал-губернатора С.-Петербурга генерала от инфантерии Д. И. Шульгина:

«Дмитрий Иванович

Дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества отношением от 23-го сего декабря № 1023 уведомил, что Государю Императору угодно, чтобы Его Величеству представлено было сведение о семействах преступников, которые истинно нуждаются в пособии, — и что сведения эти должны быть доставлены от Вашего Высокопревосходительства.

Собрав, через личный расспрос преступников, об остающихся семействах их и составив из сих<> более недостаточным особый список, имею честь препроводить оный к Вашему Высокопревосходительству.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности»³⁵.

К этому отношению был приложен

«Список

Осужденным преступникам с обозначением их семейств и состояний

№	Фамилии преступников	Члены, составляющие семейства, и какое имеют состояние?
1	Момбелли	Три сестры и мать полковника Александра Момбелли, живущие в Вязме Смоленской губернии. Состояния никакого не имеют и находятся в самой глубокой нужде.
2	Григорьев	Отец, проживающий в Нижнем Новгороде. Имеет состояние.
3	Львов	Родители: Отец подполковник Николай Львов. {Таганрогский полицеймейстер} ³⁶ с женою и дочерьми и брат, состоящий на службе подпоручиком. По отзыву прест<упника> Львова, отец его состояния никакого не имеет и обременен значительными долгами.
4	Ханыков	Имеет родителей [/кого именно прест<упник> Ханыков не обозначил/] {прожи<вающих в СПб}, от коих пользовался пособием, и о состоянии их, как не входивший в дела по имению, не знает.
5 6	Дебу 1 Дебу 2 /: братья; 1-й из них отправлен 22 декабря:!	Престарелый отец, не имеющий никакого состояния и содержащий себя с дочерью вдовою и ее сыном — пенсионом. {в Петерб<урге>}
7	Толь {в Петерб<урге <нрзб.>}	Престарелый отец, вышедший по слабости здоровья в отставку, имеет жену, двух дочерей и несовершеннолетнего сына; не имеет никакого состояния, живет в крайней бедности, нуждается даже в самом необходимом.
8	Ястржембский	Отец дворянин Лев Ястржембский и замужняя сестра проживают Минской губернии в Речецком уезде, но в каком они теперь находятся положении, того /как отозвался прест<упник> Ястржембский:/ по долговременному аресту не знает.

9	Плещеев	Мать, имеющая около 200 душ крестьянах [так!]; других детей, кроме прест<упника> Плещеева, не имеет.
10	Тимковский {[Сп] в СПб <нрзб.>}	Жена и дети: сын 4-х лет и дочь 4 месяцев {живущие в СПб}. Не имеют никакого состояния и остаются в совершенной крайности и без всяких средств к существованию, и прест<упник> Тимковский, по отзыву его, содержал семейство службою своею и литературными трудами.
11	Шапошников	Отец и мать {М. Ш.<з>}; — состояния не имеют. — Сам преступник Шапошников содержал себя от торговли и давал пособие родителям{, которые прожив<ают> в Моск<ве>}
12 13	Спешнев Кашкин	Родители их имеют состояние
14 15 16 17	Достоевский Дуров Ахшарумов Пальм	Ни семейств, ни состояния не имеют.
	Примечание.	О семействах и состоянии преступников: Буташевича-Петрашевского, Черносивитова, Филиппова, Головинского и Европеуса, за отправлением их вчерашнего /: 22-го:/ числа, неизвестно.

Генерал-адъютант (подписи нет)»³⁷.

Список этот, как можно предположить, был не единственный. Здесь он касается исключительно осужденных петрашевцев (21-го подвергнутого 22 декабря 1849 г. экзекуции на Семеновском плацу и Р. А. Черносивитова, сосланного в тот же день в Кексгольмскую крепость). Однако в следующем — итоговом для нашей темы документе — фигурируют также выпущенные ранее из крепости и несудимые: М. М. Достоевский и Е. Е. Бернадский, а также высланный в Петрозаводск в ноябре 1849 г. А. П. Баласогло.

Под датой 4 февраля 1850 г. в Деле подшит Рапорт Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества (также на бланке Инспекторского департамента Военного министерства, за № 154, с грифом в правом верхнем углу «*Секретно*») на имя генерал-адъютанта И. А. Набокова:

«Вашему Высокопревосходительству имею честь представить, собственно для сведения Вашего, записку о вспоможениях, Всемиловнейше оказанных семействам преступников и прикосновенных по делу, производившемуся в минувшем 1849-м году, в Следственной комиссии под председательством Вашим.

Генерал-адъютант *Игнатъев*»³⁸.

Далее следует сама записка:

«О Всемиловейшем вспомоществовании, оказанном семействам преступников, над коими исполнен приговор 22 декабря 1849 года, а также семействам лиц, прикосновенных к делу о тех преступниках.

“4” февраля 1850 года.

1. Отцу преступников Дебу 1-го и Дебу 2-го, <i>отставному коллежскому советнику Дебу.</i>	В продолжение ареста преступников Дебу 1-го и Дебу 2-го отцу их производилось содержание, которое они получали на службе. Сверх того выдано ему, из III Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 100 рублей серебром. В нынешнем феврале месяце пожаловано ему, на уплату долгов, 1177 рублей серебром, — и Всемиловейше повелено: сына живущей при нем дочери его, вдовы, принять в кадеты, если он дворянин.
2. Жене преступника <i>Тимковского</i> , с 4х-летним сыном и дочерью 4-х месяцев.	Во время содержания Тимковского в крепости выдано его жене, из сумм III Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 125 рублей серебром. В минувшем январе месяце Всемиловейше повелено выдавать ей, негласно, по 300 руб. сер. в год; — и определить сына ее в кадеты, когда достигнет установленных для сего лет.
3. Отцу преступника <i>Толля</i> , отставному титулярному советнику.	Всемиловейше пожаловано, в единовременное пособие, 300 рублей серебром.
4. Отцу преступника <i>Ястржембского</i> , неслужащему дворянину.	Пожаловано, на уплату долгов сына, 241 рубль серебром.
5. Художнику <i>Бернардскому</i> , с женою и двумя малолетними детьми.	Во время арестования Бернардского выдавалось жене его, из III-го Отделения Собственной Его Величества канцелярии, по 50 руб. серебр. в месяц, — всего выдано 200 р. серебром. В минувшем январе месяце пожаловано ему, негласно, 500 руб. серебром.
6. Отставному инженер-поручику <i>Достоевскому</i> , с женою и четырьмя малолетними детьми.	Во время арестования Достоевского выдано жене его, из III-го Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 100 рублей. Ему самому, по освобождении из крепости, выдано 200 р. серебром. В январе сего года пожаловано ему, негласно, 500 рубл. серебром.

7. Надворному советнику <i>Болосоогло</i> [так!], с женою и шестью малолетними детьми.	Жене Болосоогло производилось и ныне выдается содержание ее мужа, которое он получал, состоя на службе, по 59 р. 50 к. сер. в месяц. Из сумм III Отделения собственной Его Величества канцелярии выдано ей, в пособие, 351 рубль. При отправлении его в Олонецкую губернию пожаловано на переезд его семейства — 300 рублей серебром. В минувшем январе месяце жене его пожаловано, негласно, 300 руб. серебром, — и Всемиловитейше повелено сыновей, по достижении установленных лет, определить в кадеты.
--	--

Управляющий канцеляриею, старший адъютант
*полковник Соболевский*³⁹.

Первый вывод, который вытекает из приведенных документов, таков: не только несправедливым является утверждение, что Михаил Достоевский «один из немногих» «почему-то» был освобожден из крепости (на свободу была отпущена почти половина арестованных петрашевцев), но и материальное вспоможение по инициативе императора Николая I и из сумм III Отделения также получил далеко не он один.

Однако гораздо важнее, что обнаруженные нами документы вполне определенно вскрывают подлинные мотивы, которыми руководствовалась власть, и это отнюдь не «роль Иуды Искариотского», которую якобы сыграл в процессе следствия Михаил Достоевский, на что с нажимом намекали А. С. Долинин и особенно Л. П. Гроссман⁴⁰.

Здесь исключительно показательно присутствие среди тех, чьи семьи получили вспоможение, фигуры И. Л. Ястржембского, который своими показаниями Следственной комиссии настолько раздражил императора Николая I, что тот на ходатайстве Генерал-аудиториата, просившего заменить этому петрашевцу смертную казнь *четырьмя* годами каторги, наложил резолюцию: «*Ястржембского на 6 лет...*»⁴¹. «Царь не любил поляков!» — заметил по этому поводу Б. Ф. Егоров [Егоров: 193]. Укажем также, что из двадцати одного петрашевца, выведенных на Семеновский плац, император увеличил тяжесть наказания, по сравнению с ходатайством Генерал-аудиториата, только двоим — И. Л. Ястржембскому и К. И. Тимковскому, семья которого, однако, также получила материальную поддержку⁴².

Еще более важно указать, что вспоможения получили *все семейные* петрашевцы, *имевшие детей*. М. М. Достоевский здесь встает в один ряд с Тимковским, Бернадским и Баласогло⁴³. Подозревать в каких-либо неблагоприятных поступках во время следствия этих лиц (для которых, кстати, привлечение к процессу петрашевцев закончилось очень по-разному: Тимковский — на шесть лет в арестантские роты, Баласогло — отправлен в ссылку в Петрозаводск, Бернадский — отпущен подчистую) у нас нет

ровно никаких оснований. Нет никаких сомнений, что император Николай I и вообще власть руководствовались здесь пусть по-своему понимаемыми, но чисто гуманными побуждениями. Причем — подчеркнем это сугубо — оказывая свою помощь «негласно», так что представляется не вполне справедливым замечание Б. Ф. Егорова, который, оценивая это решение царя, писал: «...слишком несоразмерны были “преступления” и жестокие наказания петрашевцев, и нужно было актерски замолить грехи и показать широту души» [Егоров: 174].

Однако с итоговым заключением этого исследователя, касающимся нашей темы, мы вполне солидарны (впрочем, лишь по существу, а не по формулировке). Упомянув некоторые (далеко не все) из выплаченных в качестве вспоможения семьям арестованных сумм (без указания источника и в отношении не всех перечисленных в нашем документе лиц), далее Б. Ф. Егоров резюмирует: «В свете этих „щедрот“, отваливаемых монархом (у которого вряд ли была спокойная совесть <...>), освобождается от этического подозрения в каком-либо неблагоприятном поступке во время следствия неумышленный и обремененный семьей М. М. Достоевский, освобожденный из крепости 24 июня и получивший затем “негласную” подачку от царя — 200 рублей серебром» [Егоров: 174].

Впрочем, гораздо более авторитетный голос прозвучал в защиту Михаила Достоевского много раньше, еще в XIX в., через двенадцать лет после его смерти. «...он не дал *никаких показаний*, которые бы могли компрометировать других, с целью облегчить тем собственную участь, тогда как мог бы кое-что сказать, ибо хотя сам ни в чем не участвовал, но *знал о многом*» (ДЗ0; 22: 135). Так писал, вспоминая драматические события 1849 г., в статье с знаменательным названием «За умершего» из апрельского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. его брат — бывший петрашевец Федор Михайлович Достоевский.

3

Третий блок документов из Дела № 156 также касается вопроса денежного. И хотя он имеет гораздо более частный характер, зато напрямую относится к самому Ф. М. Достоевскому. Начнем с воспроизведения двух документов, которые сразу же обозначают серьезную биографическую проблему:

«В Тобольский Приказ о ссыльных»

Отобранные {собст<венные> деньги} от посылаемых по Высочайшей Его Императорского Величества конфирмации в Сибирь, в каторжную работу, преступников Дурова 100 р., Достоевского 100 руб. и Ястржембского 100 руб., всего триста руб. сер., при сем с {поручиком} фельдъегерского корпуса Прокофьевым препровождая, покорнейше <прошу> о получении оных почтить меня уведомлением.

№ 512

квит. Дост. № 513, Яст. № 514, Дур. № 515»⁴⁴.

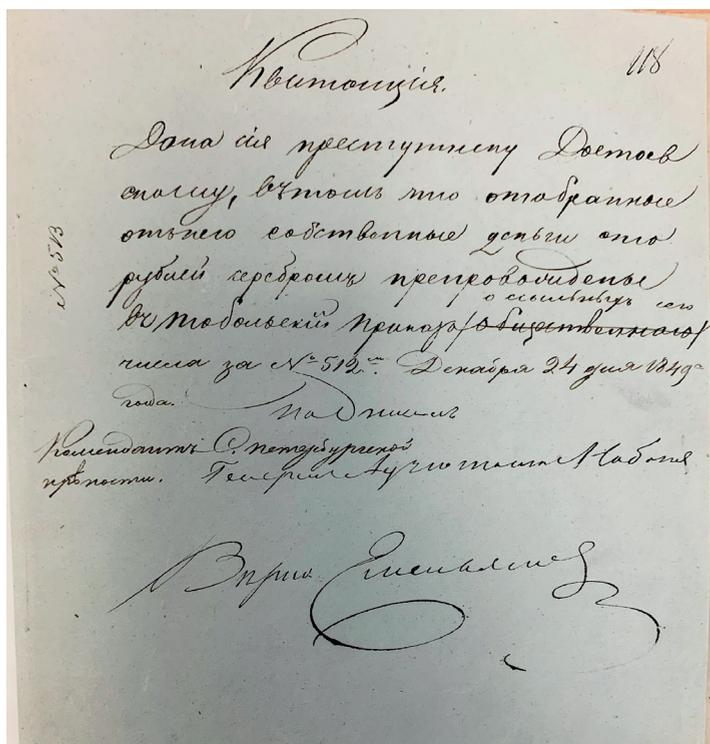
«Квитанция

Дана сия преступнику Достоевскому в том, что отобранные у него собственные деньги сто рублей серебром препровождены в Тобольский Приказ [общественного] {о ссыльных сего} числа за № 512-м. Декабря 24 дня 1849-го года.

Подписал

Комендант С.-Петербургской крепости

генерал-адъютант Набоков

Верно Емельянов»⁴⁵.

Илл. 1. Квитанция, выданная «преступнику Достоевскому», в том, что у него отобрано сто рублей собственных денег

Fig. 1. Receipt issued to “criminal Dostoevsky” in that a hundred rubles of his own money was taken from him

Казалось бы, эти документы можно просто принять к сведению. И поставить точку. Однако они плохо согласуются с другими документами, хранящимися в данном Деле, а именно с Описями личных вещей и денег заключенных в Алексеевском равелине⁴⁶, составленными после экзекуции на Семеновском плацу — 22 декабря 1849 г., в которых указано, что в день оглашения приговора у Достоевского было всего лишь 51 коп. серебром, у Ястржембского — 23 руб. 37 коп. серебром и у Дурова — 1 руб. 77 коп. серебром⁴⁷. В связи с этим возникает вопрос о происхождении указанных в квитанциях сумм собственных денег.

В письме брату Михаилу из Омска, написанном сразу же по выходе с казни, Достоевский сообщал, что некоторую сумму перед отъездом в Измаил (в письме ошибочно назван Севастополь), куда он был отправлен 22 декабря 1849 г., для него оставил его друг петрашевец Павел Филиппов: «Филиппов, уезжая в Севастополь, подарил мне 25 руб. серебр<ом>. Он оставил их у коменданта Набокова, так что и я не знал. Он думал, что у меня не будет денег. Добрая душа» (ДЗ0; 28;: 173)⁴⁸. Однако это свидетельство мало что проясняет, скорее, наоборот, больше запутывает. По описи, составленной 22 декабря смотрителем Алексеевского равелина подполковником Кс. Яблонским, у самого П. Н. Филиппова было всего лишь 25 руб. 58 коп. серебром⁴⁹. Но даже если данная опись составлена уже после того, как Филиппов передал для Достоевского половину своих средств коменданту И. А. Набокову, это никак не объясняет наличие у Достоевского на момент отправки в Тобольск *ста рублей*.

Можно предположить, что какую-то сумму при прощании передал отправляющемуся в Сибирь брату Михаил Михайлович. Такое допущение надо признать вполне естественным. Тем более что о деньгах в письме к Михаилу, написанном сразу же после Семеновского плаца, просит и сам Достоевский: «Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, как получишь это письмо и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха...» (ДЗ0; 28;: 162). Хотя факт передачи денег не упоминается ни в позднейшей переписке братьев, ни в воспоминаниях А. П. Милюкова, присутствовавшего при их прощании, возьмем эту версию на вооружение. В таком случае, казалось бы, Михаил должен был передать брату 75 рублей, которые вместе с 25 рублями Филиппова и составили бы означенную в квитанции сумму в сто рублей.

Однако и при таком допущении остается открытым вопрос о происхождении собственных денег — тоже по сто рублей — у товарищей Достоевского по этапу, Дурова и Ястржембского, у которых также 22 декабря еще не было таких денег. Дуров присутствовал при прощании братьев Достоевских, но нет никаких данных, что, например, А. П. Милюков дружески ссудил товарищу, отправляющемуся по этапу, какую-то сумму. Нет и иных сведений, что Дуров перед отъездом встречался еще с кем-то из

друзей-петрашевцев, например с А. И. Пальмом. То же надо сказать и о Ястржембском, родственники которого (отец, сестра) находились в далекой Минской губернии. В его воспоминаниях о прощании с кем-то перед этапом нет ни слова. В этой связи возникает вопрос: не имели ли оформленные квитанциями суммы, странным образом *тождественные* (трижды по сто рублей)⁵⁰, *казенного* происхождения: то есть не были ли они выданы арестантам, например, из канцелярии Управления коменданта Петропавловской крепости?⁵¹ На этот счет, впрочем, в Деле нет никаких документов.

Картина дополнительно осложняется тем, что, кроме оформленных квитанцией ста рублей, у Достоевского, Ястржембского и Дурова на этапе были и *другие деньги*.

Еще 21 декабря, накануне экзекуции, Дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества П. Н. Игнатьев уведомил Рапортом коменданта Петропавловской крепости И. А. Набокова, что, по распоряжению Военного министра, тот обязан «при отправлении политических преступников, назначенных по Высочайшей о них конфирмации, в 19-й день сего декабря последовавшей на всеподданнейшем докладе Генерал-аудиториата⁵², в каторжную работу, приказать отбирать у них собственные деньги и отправлять таковые с фельдъегерями, их сопровождающими, в Тобольский приказ о ссыльных...»⁵³. Это требование приведенные выше документы и отражают.

Однако, описывая в уже упомянутом письме к брату Михаилу из Омска свой путь в Тобольск, Достоевский сообщает: «По всей дороге на нас выбегали смотреть целыми деревнями и, несмотря на наши кандалы, на станциях брали с нас втридорога. Один Кузьма Прокофьич (фельдъегерь Прокофьев. — *Е. М., Б. Т.*) взял чуть ли не половину наших расходов на свой счет, взял насильно, и, таким образом, **мы заплатили только по 15 руб. сереб<ром> каждый за трату в дороге**» (*Д30; 28;: 168–169*). Причем, стоит подчеркнуть, некоторые дорожные траты узников были весьма прихотливыми, выходившими за рамки казенно-необходимых. Так, например И. Л. Ястржембским в Казани была куплена «бутылка хорошего рому»⁵⁴.

Может показаться, что означенные дорожные траты из собственных сумм арестантов не вступают в противоречие с описанной выше ситуацией. Вот как, например, вопрос о расходах в дороге на каторгу политических арестантов освещен в воспоминаниях поляка Ш. Токаржевского, который — также через Тобольский приказ о ссыльных — был этапирован сначала в Усть-Каменогорск, а через полгода — в Омский острог, куда прибыл тремя месяцами раньше Достоевского: «Когда мы выехали из крепости (Молвин, неподалеку от Варшавы. — *Е. М., Б. Т.*), у нас изъяли все деньги, у кого сколько было, и отдали их жандармам. Мы имели право брать деньги из этой кассы, только надо было вести точные расчеты. В Тобольске наши “капиталы” получил Иванов (сопровождающий жандарм. — *Е. М., Б. Т.*) и обязан был передать их следующему конвоиру»⁵⁵.

Однако, видимо, в каждой партии были свои порядки. Если бы в случае с Дуровым, Ястржембским и Достоевским действовал порядок, описанный Ш. Токаржевским, исходная сумма ко времени их прибытия в Тобольск должна была бы уменьшиться — со ста рублей (у каждого) до восьмидесяти пяти. Но существует документ, подтверждающий, что поручик К. П. Прокофьев, по прибытии в Тобольский приказ о ссыльных, *полностью*, под квитанцию, вместе с арестантами передал и *все триста рублей* принадлежавших им «собственных денег». Это датированное 10 января 1850 г. Донесение № 20 управляющего Приказом надворного советника Павла Кравчуновского и заседателя Ивана Анненкова⁵⁶ на имя коменданта Петропавловской крепости И. А. Набокова, в котором сообщалось:

«Вашему Высокопревосходительству Приказ о ссыльных честь имеет донести, что доставленные поручиком фельдъегерем Прокофьевым при отношении Вашем от 24 декабря прошлого 1849 года № 512 деньги, принадлежащие посланным по Высочайшей Его Императорского Величества конфирмации в Сибирь в каторжную работу преступникам Дурову, Достоевскому [так!] и Ястржембскому каждому по 100 руб., а всего три ста [так!] рублей серебром, в сем Приказе получены и записаны по книге на приход 9 числа января под № 4-м, в чем ему, Прокофьеву, и выдана оно же числа квитанция под № 21-м»⁵⁷.

Следовательно, траты на этапе по пятнадцати рублей серебром были сделаны арестантами из каких-то других сумм, которые были *в их свободном распоряжении*. Это, в частности, косвенно подтверждает и сам Достоевский, сообщавший через четыре года брату Михаилу: «11 января (на самом деле 9-го. — Е. М., Б. Т.) мы приехали в Тобольск и после представления начальству и обыска <...> у нас отобрали все наши деньги» (ДЗ0; 28;: 169). Очевидно, что здесь речь идет отнюдь не о тех деньгах, которые официальным образом, под квитанцию, передал в Управление Тобольского приказа о ссыльных фельдъегерь Прокофьев. О каких же?

В случае Достоевского можно было бы предположить, что — по недомотру или попусшению коменданта Набокова — у него не были изъяты (под квитанцию) те 25 руб. серебром, которые оставил для него Павел Филиппов. У Ястржембского, по описи от 22 декабря, оставались еще от времени заключения 23 руб. 37 коп. серебром. Но остается необъясненным тот факт, что свободная сумма на этапе оказалась также и у Дурова. Находящиеся в Деле № 156 документы, дополненные мемуарными и эпистолярными свидетельствами, к сожалению, не позволяют разрешить вопрос о происхождении собственных денег у этапиремых из Петербурга в Тобольск петрашевцев, но зато очень четко обозначают контур означенной биографической проблемы. Возможно, новые документы прольют на нее дополнительный свет.

Какова же последующая судьба собственных денег Дурова и Достоевского? Здесь у нас тоже больше вопросов, нежели ответов. Скажем, в воспоминаниях Ф. Н. Львова воспроизведен такой диалог арестанта с начальством на пересылке в Нерчинске:

«Начальник спросил <...> не имею ли я какой денежной квитанции? (хотя это всё было ему известно из моего статейного списка, лежавшего перед ним, и из отношения тобольского приказа о ссыльных). На последний вопрос я отвечал, что у меня есть квитанция на 100 руб., отобранных у меня в Тобольске. <...> Я подал ему квитанцию и в свою очередь спросил: должен я лишиться этих денег? — “Нет, — отвечал он с улыбкою: — лишение прав так далеко не простирается; деньги эти будут отосланы в шилкинский завод, куда мы вас назначили, и вы будете получать их по мере надобности, по частям, от управляющего округом”»⁵⁸.

Также и в воспоминаниях Ш. Токаржевского сообщается, что по прибытии узников в острог, отобранные у них на этапе, «деньги <...> лежат в канцелярии, поскольку, согласно предписаниям, в Александровской крепости, впрочем, как и во всех других, каторжанам не разрешалось иметь при себе значительные суммы — они могли мелкими квотами получать деньги из канцелярии для каждой своей нужды, объяснив, на что их истратят»⁵⁹.

Казалось бы, аналогичная ситуация с собственными деньгами по прибытии в Омский острог должна была быть и у Достоевского с Дуровым. Но на этот счет у нас нет никаких документальных данных. Единственное свидетельство — «Записки из Мертвого Дома», где, однако, нет никаких упоминаний о том, что у Горянчикова (Достоевского) есть какие-то денежные средства, хранящиеся в канцелярии острога или крепости, доставленные туда официальным путем (под квитанцию), которыми арестант мог распоряжаться по мере надобности.

«При вступлении в острог у меня было несколько денег, — сообщает автор “Записок...”; — в руках с собой было немного, из опасения, чтоб не отобрали, но на всякий случай было спрятано, то есть заклеено в переплете Евангелия, которое можно было пронести в острог, несколько рублей» (ДЗ0; 4: 67). Заклеенные в переплете Нового Завета десять рублей — это деньги, полученные Достоевским (как и другими петрашевцами) от жен декабристов в Тобольске, во время их встреч в пересыльной тюрьме в январе 1850 г. По поручению Н. Д. Фонвизиной жандармский офицер, капитан Смольков, помогавший декабристкам, передал арестантам «тайные деньги вдѣланные въ книги и показалъ каждому какъ доставать и какъ опять заклѣивать»⁶⁰. Из этого свидетельства можно заключить, что в переплете Евангелия было спрятано несколько мелких купюр. Когда автор «Записок...» сообщает, что при вступлении в острог у него «в руках с собой было немного» денег, можно предположить, что речь идет о какой-то кредитке,

извлеченной из тайника в Новом Завете⁶¹. Ведь другие свободные деньги, по свидетельству Достоевского, у них были отобраны при обыске в Тобольске⁶².

О том же сообщает (со слов мужа) в черновом варианте своих воспоминаний и А. Г. Достоевская. Описывая встречу в Тобольске Достоевского с женами декабристов, она завершает: «Ф. М. провелъ съ ними весь вечеръ и на прощаньи получилъ въ подарокъ Евангеліе, въ переплетъ котораго были вклеены 15 руб. [так!] Это были единственныя деньги, имѣвшіяся у Федора Михайловича за четыре года каторги (арестантамъ не дозволялось имѣть денегъ); онѣ шли на улучшение пищи, покупку табаку и т. д.»⁶³. Анна Григорьевна не вполне точна здесь в деталях⁶⁴, но, как и в «Записках из Мертвого Дома», какие-либо иные денежные средства, которыми мог *официально* пользоваться Достоевский-каторжник, в приведенном свидетельстве также не предполагаются.

Публикуемые нами документы, причем отложившиеся в делопроизводстве как в Петербурге, так и в Тобольске, — единственный след принадлежавших Достоевскому ста рублей, которые по распоряжению Военного министра были отобраны у него 24 декабря 1849 г. при отправке в Сибирь, благополучно и в полном объеме доставлены 9 января 1850 г. фельдъегерем поручиком К. П. Прокофьевым в Тобольск и сданы под расписку управляющему Приказом о ссыльных надворному советнику П. П. Кравчуновскому. Как происхождение этих денег, так и их дальнейшая (после Тобольска) судьба остаются не установленными. Это — одно из «темных мест» биографии Ф. М. Достоевского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90019 Достоевский («Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые печатные и архивные источники»).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 162. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

² Но некоторые из петрашевцев, действительно, были отправлены в арестантские роты или в дальние гарнизоны в день экзекуции на Семеновском плацу. В частности, 22 декабря В. А. Головинский был отправлен в Троицк, П. Н. Филиппов — в Измаил, К. М. Дебу — на Аландские острова и А. И. Европеус — в Ставрополь (см.: Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров. Л., 1984. С. 347, 368–369, 376, примеч.). Также 22 декабря Р. А. Черно-свитов был отправлен в Кексгольмскую крепость.

³ «Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы. <...> Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга», — вспоминал через четыре года Достоевский в письме к брату (*Д30*; 28, : 167). А. П. Милоков, приходивший вместе с М. М. Достоевским в этот день в Петропавловскую крепость прощаться с отправляющимся по этапу писателем, корректирует это свидетельство. Предупрежденные плац-адъютантом Ю. К. Майделем о том, что Достоевский с товарищами будут отправлены по этапу вскоре после свидания («через час или даже раньше»), они остались поджидать выезда

арестантов у ворот Петропавловской крепости. «На крепостной колокольне **куранты проиграли девять часов**, — пишет Милоков, расходясь в указании времени со свидетельством Достоевского, — когда выехали двое ямских саней, и на каждых сидел арестант с жандармом» (Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 270. Здесь и далее курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемому автору, полужирные — авторам статьи). Достоевский пишет: «...ровно в 12 часов» (то есть в полночь), Милоков вспоминает: «...куранты проиграли девять часов». Большое доверие вызывает изложение событий сторонним наблюдателем — Милоковым. Писатель же, как представляется, пытается в позднейшем эпистолярном свидетельстве *сакрализовать* роковой, поворотный момент своей биографии: его каторжный, страдальческий путь начинается «ровно в Рождество».

⁴ Энгельсон В. А. Петрашевский // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. С. 75–76.

⁵ Там же. С. 73–74.

⁶ Отметим, что некоторые утверждения Энгельсона И. Л. Волгин в других главах все-таки изредка приводит, сопровождая их, впрочем, такими примечаниями: «Это сообщение В. А. Энгельсона нельзя считать достоверным» [Волгин: 646]. Рассказ же о ходатайстве генерала Набокова перед императором опускает полностью.

⁷ Кашкин Н. С. [Казнь петрашевцев] (в записи Н. Н. Кашкина) // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. С. 324.

⁸ Персональное прошение Е. И. Кашкиной действительно имело место, и высочайшее соизволение на него действительно было дано еще вечером 22 декабря. В Рапорте № 272 Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества на имя Коменданта С.-Петербургской крепости сообщалось: «Государь Император во Всемиловивейшем внимании к просьбе матери осужденного за участие в преступных замыслах Кашкина, Высочайше соизволил разрешить дозволить ей повидаться с сыном в течение завтрашнего утра, в крепости, в присутствии Вашего Высокопревосходительства или плац-майора крепости. / О Высочайшем разрешении сем поспеваю иметь честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства к зависящему распоряжению. / Милость эта Кашкиной вместе с сим объявлена. Генерал-адъютант *Игнатъев*» (РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 101–101 об.).

⁹ Там же. Л. 103.

¹⁰ Там же. Л. 104.

¹¹ Из двух Рапортов Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества, доводящих до сведения И. А. Набокова Всемиловивейшее соизволение о дозволении свиданий с осужденными, первый, касающийся Кашкина, имеет исходящий № 272, второй — о всех иных осужденных — № 275.

¹² Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 268.

¹³ В воспоминаниях А. П. Милокова Ю. К. Майдель ошибочно именуется «плац-майором». Исправлено по изданию: Дело петрашевцев: в 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 402 (официальный документ). Также см.: Адрес-календарь: общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1852: в 2 ч. СПб., 1852. Ч. 2. С. 134–135.

¹⁴ Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 268.

¹⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и Приложениями. СПб., 1883. С. 125, 1-я паг. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1).

¹⁶ Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 269–270.

¹⁷ Отметим, что Достоевский здесь фигурирует как арестант, содержащийся в каземате № 9. В исторической литературе приводятся сведения, согласно которым, помещенный первоначально, 23 апреля, в каземат № 9, в июле, когда был освобожден из крепости П. И. Белецкий, Достоевский был переведен в его камеру № 7 (см.: [Гернет: 221]). Однако,

как следует из данного документа, по положению на 22 декабря он вновь находится в каземате № 9, а в каземате № 7 заключен Р. А. Черносвитов (см.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 105, 108). Больше того, 22 июля 1849 г. комендант Набоков докладывал Дубельту, что «отставной подпоручик *Черносвитов* сего числа в С.-Петербургской крепости принят и посажен в доме Алексеевского рavelина в покое под № 7» (Там же, л. 606). О том, что писатель был заключен в казематах № 7 и 9, сообщал еще первый биограф Достоевского О. Ф. Миллер (см.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 109, 1-я пар.). Этот вопрос требует дополнительного изучения.

¹⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 108.

¹⁹ Публикатор не указывает шифр архивного хранения, сообщая лишь, что документ хранится «в деле Алексеевского рavelина (1849 г., № 35, л. 60)» [Бельчиков: 245]. Данный автограф Достоевского в ЛСС не воспроизведен и не учтен. Не учтен он также в фундаментальном «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (см.: [Описание рукописей Ф. М. Достоевского]).

²⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 266 (копия с предписания Военного министра председателю Секретной следственной комиссии, Высочайше учрежденной в С.-Петербургской крепости, г<ну> Генерал-Адъютанту Набокову от 4 мая 1849 года № 410). Также см. отношение от 5 мая Управляющего III Отделением Л. В. Дубельта коменданту Петропавловской крепости ([Перлина Н. М.] Следственное дело М. М. Достоевского-петрашеца // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 257).

²¹ Ошибка. М. М. Достоевский вышел в отставку с чином подпоручика.

²² Цит. по: [Перлина: 254].

²³ См.: Там же. С. 261–265.

²⁴ Цит. по: Там же. С. 255.

²⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 66–68 (отпуск).

²⁶ См. опись документов Следственного дела в публикации: [Перлина: 254]. Резолютивную часть в несколько иной формулировке («Отставной подпоручик М. М. Достоевский не только не имел никаких преступлений против правительства, но даже им противодействовал») по другому документу, хранившемуся в Деле № 214 1-й экспедиции департамент полиции, в 1928 г. опубликовал А. С. Долинин (Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 501, примеч.). Представляется, что формулировка «не имел никаких преступлений» является искажением текста в публикуемом нами документе («не имел никаких преступных намерений»), вызванным ошибкой либо переписчика, создававшего вторичный документ, либо публикатора.

²⁷ Достоевский Ф. М. Письма. Т. 1. С. 501, примеч.

²⁸ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л., [1930]. С. 283.

²⁹ Имеется в виду младенец Надежда Достоевская — первый ребенок старшего брата писателя, родившийся в Петербурге 8 марта 1849 г. Она умерла в младенчестве 29 октября 1850 г., прожив чуть более полутора лет (см.: [Панюкова]).

³⁰ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 209.

³¹ Там же. С. 286.

³² См.: Письма к Герцену и Огареву // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62: Герцен и Огарев, кн. 2. С. 720. Источник указан Н. М. Перлиной.

³³ Текст, заключенный в фигурные скобки, вписан позднее другой рукой.

³⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 120–120 об.

³⁵ Там же. Л. 121–121 об.

³⁶ Здесь и далее вписанный позднее текст заключается в фигурные скобки ({}), зачеркнутый — в прямоугольные ([ ]). Сомнительное прочтение сопровождается пометой <¿>, недоступное для прочтения — <нрзб.> (не разобрано).

³⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 122–123 (отпуск исходящего документа). Записи

в графах 2, 4, 8, 9, 12–17 и Примечание перечеркнуты карандашом. Фамилии в графах 12–17 дополнительно перечеркнуты чернилами. Оставшиеся не зачеркнутыми графы заново перенумерованы карандашом: 1–7. Это, очевидно, и есть «особый список» «более недостаточных» арестантов (точнее, основа для него).

³⁸ Там же. Л. 135–135 об.

³⁹ Там же. Л. 136–137.

⁴⁰ Публикуя материалы следственного дела М. М. Достоевского-петрашевца, взять под защиту брата писателя от голословных обвинений названных исследователей попыталась Н. М. Перлина. Однако ее аргументация представляется нам легковесной. «Эпизод этот (с получением 200 руб. — Е. Д., Б. Т.) показался исследователям загадочным и вызвал сперва осторожные вопросы, а затем и прямые утверждения: не оказался ли М. М. Достоевский нескромным в своих показаниях <...>. При этом была упущена оригинальная привычка Дубельта, памятуя об Иудиных сребрениках, выдавать доносчикам в награду денежные суммы, кратные тридцати» [Перлина: 256].

⁴¹ Петрашевцы: Сборник материалов: в 3 т. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 336.

⁴² Из явно нуждающихся семейств не получили материальной помощи лишь родственники штаб-капитана Ф. Н. Львова и поручика Н. А. Момбелли, находившиеся, согласно списку И. А. Набокова, «в самой глубокой нужде» и «обремененные значительными долгами». Можно предположить, что в данном случае сказалось особо негативное отношение Николая I к *офицерам-гвардейцам*, участвовавшим в «преступном заговоре».

⁴³ В свете этого наблюдения теряет вес и тот скрытый аргумент Л. П. Гроссмана, который он также искусственно акцентирует, когда сопоставляет ситуации Михаила Достоевского и его младшего брата Андрея, «никакой царской награды за ошибочный арест не получившего». Исследователь здесь как бы приравнивает *бессемейного* Андрея *обремененному многодетным семейством* Михаилу.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 116 (отпуск). На левом поле проставлен № 513.

⁴⁵ Там же. Л. 118 (отпуск).

⁴⁶ В Деле имеются Описи принадлежащим вещам и деньгам только семерых узников Алексеевского равелина (Толля, Филиппова, Достоевского, Ястржембского, Григорьева (Шапошникова), Дурова и Головинского) (см.: Там же. Л. 106–112).

⁴⁷ См.: Там же. 156. Л. 108, 109, 111.

⁴⁸ В новейшей биографии писателя это свидетельство истолковано так, что комендант И. А. Набоков якобы *не передал* Достоевскому деньги, оставленные для него Филипповым, и он каким-то образом узнал об этом лишь в Омске, выйдя с каторги: «Месяц, проведенный у Ивановых, позволил Достоевскому узнать новости о товарищах по эшафоту — и о тех, с кем расстался на плацу, и о тех, с кем простился в Тобольске. Узнал, что Филиппов, перед отъездом в Измаил, в арестантские роты, оставил для него у Набокова 25 рублей серебром. Добрая душа!» [Сараскина: 267]. Однако парадоксально истолкованные биографом слова писателя: «...так что и я не знал» — означают иное: что деньги Филиппова, полученные перед отъездом Достоевским, стали для него *сюпризом*.

⁴⁹ См.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 107.

⁵⁰ Судя по воспоминаниям Ф. Н. Львова, который был отправлен в Тобольск днем раньше Достоевского, 23 декабря 1849 г., у него также была на этапе квитанция на *сто рублей* собственных денег, отобранных у него перед выездом (Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. № 9. Отд. I. С. 108; 1862. № 1. Отд. I. С. 212).

⁵¹ Такому предположению, однако, противоречит тот факт, что у Н. А. Спешнева, например, было отобрано под квитанцию 350 руб. серебром, а у Н. С. Кашкина — 300 руб. серебром собственных денег. Названные петрашевцы были из наиболее богатых семей, и эти суммы более похожи на переданные арестантам при прощании родственниками (о чем, впрочем, также нет никаких данных).

- ⁵² В исторической литературе широко распространено ошибочное указание на то, что Высочайшая конфирмация на докладе Генерал-аудиториата последовала 19 ноября 1849 г. (в действительности резолюция Николая I была нанесена на сокращенной *выписке*, подготовленной Генерал-аудиториатом). По-видимому, эта ошибка явилась следствием *опечатки*, вкравшейся в публикацию доклада Генерал-аудиториата в изд.: Петрашевы: Сборник материалов. Т. 3. С. 332. Правильная дата — 19 декабря — содержится в публикации Н. Ф. Бельчикова [Бельчиков: 172]. Публикуемый нами документ подтверждает эту дату.
- ⁵³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 83–83 об.
- ⁵⁴ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 126, 1-я паг. В противоречии с фактами Ю. И. Селезнев сообщает, что бутылку рома «ухитрился купить еще в Казани» сам Достоевский (Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1981. С. 143. Сер. «Жизнь замечательных людей»).
- ⁵⁵ Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. Кемерово, 2007. С. 143.
- ⁵⁶ Подписавшим этот документ заседателем Тобольского приказа о ссыльных был декабрист И. А. Анненков — муж Прасковьи Егоровны Анненковой (урожд. Жанетты-Полины Гёбль), одной из декабристок, посещавших петрашевцев в пересыльной тюрьме.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 134. Ср. с воспоминаниями Ф. Н. Львова: «Я очутился в Тобольске <...>. Но вот раздался голос сторожа: “ведите преступника в приказ!” И я догадался, что меня ведут в тобольский приказ о ссыльных. День был праздничный; в канцелярии служащих никого не было. Меня встретил, однако, член приказа и спросил: нет ли у меня денег? На ответ, что мои сто рублей находятся у сопровождавшего меня казака, он взял их от него, пересчитал и отдал мне, предупредив, что у меня снова их отберут в остроге, причем посоветовал не сопротивляться при обыске» (Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. № 9. Отд. I. С. 108). Замечательно, что и у Львова, кроме оформленных квитанцией, были еще какие-то *свободные* деньги, зашитые в шапке (см.: Там же. С. 110).
- ⁵⁸ Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1862. № 1. Отд. I. С. 212.
- ⁵⁹ Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. С. 721. Ш. Токаржевский в 1864–1868 гг. отбывал каторгу в Александровске-на-Амуре.
- ⁶⁰ Письмо Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18 мая 1850 г. / публ. Е. Н. Вяль и Л. В. Алексеевой // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 58 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (30.01.2020).
- ⁶¹ В «Записках из Мертвого Дома» не однажды упоминается, что Горянчиков с первого же дня за небольшие деньги пользовался со стороны товарищей по острогу разными мелкими услугами.
- ⁶² Деньги, но несколько неопределенно, упоминаются в «Записках...» и при описании повествователем первой встречи с плац-майором Кривцовым, который отдает унтер-офицеру такой приказ: «Всё отобрать. Отдать им только одно белье, и то белое, а цветное, если есть, отобрать. Остальное всё продать с аукциона. **Деньги записать в приход.** Арестант не имеет собственности...» (ДЗ0; 4: 214). Это сказано, однако, Кривцовым еще до обыска. Повторим, о том, что какие-то деньги у арестантов по прибытии в острог были отобраны, в «Записках из Мертвого Дома» не сообщается. Аналогичный эпизод описывает и Ш. Токаржевский. При первой встрече с прибывшими в Омский острог поляками Кривцов приказывает писарю Дягилеву: «Всё отобрать, описать, и передать на публичные торги, **отобранные деньги использовать на улучшение содержания каторжан**» (Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. С. 171). Но далее мемуарист рассказывает, как в Ордонанцгаузе и них забрали и опечатали личные вещи, однако о том, что были отобраны и деньги, не сообщает.
- ⁶³ ОР РГБ. Ф. 93. III. 5. 15. С. 16–17 (цит. по: [Захаров: 45]).
- ⁶⁴ Подробнее об этом событии см. в статье В. Н. Захарова [Захаров: 44–53].

Список литературы

1. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. — М.: Наука, 1971. — 294 с.
2. Волгин И. Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года. — М.: Либерия, 2000. — 703 с.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. — 3-е изд. — М.: Госюриздат, 1961. — Т. 2: 1825–1870. — 582 с.
4. Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 605 с. — (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 4 (357))
5. Долинин А. С. М. М. Достоевский // Ф. М. Достоевский: материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. — Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — С. 505–507.
6. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. — Л.: Наука, 1988. — 234, [2] с.
7. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 2. — С. 44–53 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (30.01.2020).
8. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: б. и., 1957. — 588 с.
9. Панюкова Т. В. Уточнение к родословию Достоевских: семейство Михаила Михайловича: (по материалам петербургского архива) // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 3. — С. 129–179 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (29.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621
10. [Перлина Н. М.] Следственное дело Достоевского-петрашевца // Достоевский: материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 254–265.
11. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 824, [1] с. — (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 1320)

Ekaterina D. Maskevich

*The Russian State Historical Archive (RGIA)
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

spb-collects@yandex.ru

Boris N. Tikhomirov

*F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

btikhomirov@rambler.ru

The Petrashevites After the Semyonovsky Parade Ground Events, Commandant Nabokov and Emperor Nicholas I (New Details in the Biography of Mikhail and Fedor Dostoevsky)

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90019 Dostoevsky.

Abstract. The publication is based on the documents discovered by the authors in the Russian State Historical Archive, which are preserved in the Repository of the Commandant's Office of the St. Petersburg Fortress, in the case "Regarding the prisoners under investigation for malicious intent in 1849". Most of the documents date back to the period between December 22, 1849 (the staging of the mock execution of the Petrashevites on the Semyonovsky parade ground) and January 9, 1850 (arrival of Dostoevsky, Durov and Yastrzhembsky in Tobolsk). The latest document is dated February 4, 1850. The article contains three parts, each of which sheds new light on the biography of the brothers Fedor M. and Mikhail M. Dostoevsky in the aforementioned period. The first section incorporates the documents that reveal the circumstances prior to the meeting of the brothers Dostoevsky on December 24, 1849, before Fedor was sent to Siberia, a meeting which was initially refused to them. Specifically, these documents are the request made by the Commandant of the Peter and Paul Fortress Nabokov and addressed to the War Minister, to allow relatives of the members of the Petrashevsky circle to meet with them before departure for the place of punishment, and the most gracious permission of Nicholas I on the matter, following the most humble report of the Minister. The second section introduces into scientific circulation the documents presenting the emperor's initiative to provide monetary assistance to the families of convicted Petrashevites, as well as to Petrashevites with families (including multi-child families), who were temporarily imprisoned in the fortress during the investigation. In the context of these documents, suspicions about the "immodest behavior" of M. M. Dostoevsky during the investigation that were previously expressed by certain researchers (Dolinin, Grossman), are removed. The third section introduces a receipt issued to "criminal Dostoevsky," according to which 100 rubles of his money were appropriated during the prison transfer, and a document confirming the reception of this amount in the Tobolsk directive regarding convicts. The question of the origin and subsequent fate of this money is examined.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, Petrashevites, Russian State Historical Archive, Office of the Commandant of the Peter and Paul Fortress, prison transfer in Siberia, Tobolsk directive regarding convicts, monetary assistance to Petrashevites

About the authors: *Maskevich Ekaterina D.* — Leading Researcher, The Russian State Historical Archive (RGIA) (pr. Zanevskiy 36, St. Petersburg, 195112, Russian Federation); *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum in St. Petersburg, The President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: February 2, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Petrashevites After the Semyonovsky Parade Ground Events, Commandant Nabokov and Emperor Nicholas I (New Details in the Biography of Mikhail and Fedor Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 38–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4641 (In Russ.)

References

1. Belchikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsev [Dostoevsky in the Trial of the Petrashevites]*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p. (In Russ.)
2. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor: Dostoevskiy i politicheskiy protsess 1849 goda [Missing Plot: Dostoevsky and Political Trial of 1849]*. Moscow, Libereya Publ., 2000. 703 p. (In Russ.)
3. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 tomakh [History of the Tsar's Prison: in 5 Vols]*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961, vol. 2: 1825–1870. 582 p. (In Russ.)
4. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 605 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey. Seriya biografii; issue 4 (357)). (In Russ.)
5. Dolinin A. S. M. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935, pp. 505–507. (In Russ.)
6. Egorov B. F. *The Petrashevites*. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 234 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on January 30, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
8. [Nechaeva V. S.] *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
9. Panyukova T. V. Revision of the Dostoevsky Genealogy: Family of Mikhail Mikhailovich (Based on the Materials of St. Petersburg Archive). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 129–179. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (accessed on January 29, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621 (In Russ.)
10. [Perlina N. M.] The Investigation Case of M. M. Dostoevsky as a Petrashevets. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 254–265. (In Russ.)
11. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 824 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey. Seriya biografii; issue 1320). (In Russ.)